

ОПАСЕН ЛИ ДЛЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СТАТУС-КВО В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ?

(Беседа английского политолога Джорджа Урбана
с профессором Гарвардского университета Адамом Уламом) *

УРБАН. В апреле 1969 года, когда бывший посол Соединенных Штатов в СССР Джекоб Д. Бим вручал верительные грамоты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному, тот сказал, что "советское вмешательство в дела Чехословакии воспрепятствовало Третьей мировой войне". В июле 1974 года, в статье для газеты "Уолл Стрит Джорнал", Дж. Бим вспоминает эти слова Подгорного, сравнивая их с западноевропейской оценкой оккупации Чехословакии. В этой статье Дж. Бим поставил вопрос: "Почему мировое общественное мнение так долго возмущалось оккупацией советского сателлита?"

В СССР и в Западной Европе, как следует из статьи Дж. Бима, существует мнение, что Центральная и Восточная Европа — это постоянно действующий вулкан провинциального национализма и политической нестабильности, что страны Восточной и Центральной Европы в значительной мере способствовали началу не только Первой, но и Второй мировой войны и что они же могут стать причиной Третьей, если ослабят свой надзор стоящие на страже мира советские войска. "Некоторые представители официальных кругов западноевропейских стран говорят, — пишет Дж.Бим, — что им надоело заниматься Восточной Европой, в том числе и Восточной Германией, несмотря на то, что эти страны — составная часть стратегической мощи Советского Союза". Сам Бим с таким отношением не согласен. Более того, он подчеркивает, что самое трагическое последствие Второй мировой

---

* Текст этой беседы был напечатан в сборнике „Détente“, Издательство Temple Smith, London, 1976, p. 213-228.

войны -- это неопределенность статуса Восточной Европы. Бим также считает, что слова Подгорного о советской оккупации Чехословакии выразили совершенно искреннее мнение советских руководителей.

УЛАМ. Это старая песенка Советского Союза. Даже когда русские не заняты пропагандой, они постоянно твердят, что сидя на плечах более сотни миллионов человек, -- я имею в виду население стран Восточной Европы, -- они служат делу мира. И все же мне трудно поверить, будто Подгорный действительно думал, что если бы русские не вошли в Чехословакию, началась бы Третья мировая война. Правда, чехословацкий пример мог бы стимулировать подобное же -- или еще более радикальное -- развитие событий в Польше, Венгрии, Румынии и Восточной Германии. Могла начаться цепная реакция, угрожающая целостности советского блока. Но из этого вовсе не вытекает, что если бы Москва не вмешалась в чехословацкие события, то НАТО, злоупотребив положением в Чехословакии, попыталась бы расколоть организацию Варшавского договора. Этому не может верить ни один советский руководитель. Подлинная же проблема заключается в следующем: "Какие перемены в одной или нескольких странах Восточной Европы могут вынудить Советский Союз развязать Третью мировую войну?" В период либерализации Чехословакии (1968 г.) о целостности блока заботились не только советские руководители, но и Гомулка, и Ульбрихт. Причем советское руководство, с самого начала сознавая необходимость выбить из Чехословакии либерализм, не сразу решило, как это лучше сделать. Но вернемся к тому, что сказал Биму Подгорный. Действительности утверждение Подгорного не соответствует. Но в то же время его слова информируют нас о том, как были готовы тогда и готовы сейчас поступить советские руководители в случае возникновения ереси типа чехословацкой, ереси, которая грозит нарушить статус-кво в советском блоке. По всей вероятности, угрозу статус-кво в советской сфере влияния руководители СССР будут воспринимать столь же серьезно, как угрозу военную, и реагировать соответственно.

УРБАН. Но не только русские, как пишет в своей статье Бим, придерживаются мнения, что всю эту сумятицу восточноевропейских наций, соперничающих языков, воспоминаний о прошлых

несправедливостях необходимо сдерживать даже драконовскими методами, так как в противном случае Восточная Европа может привести мир к термоядерной войне. В официальных кругах Западной Европы многие думают, что перед русскими следует снять шляпу за то, что они завинтили крышку этого котла кипящих страстей. А в качестве примеров указывают на болгаро-югославские споры из-за Македонии, на венгерско-румынскую вражду из-за Трансильвании и т.д. Не трудно, однако, возразить, что в мире достаточно межнациональных конфликтов и без Восточной Европы, -- вспомним хотя бы Ближний Восток или Кипр. Но, самое главное, следует помнить, что НАТО -- это не Варшавский договор, что эти организации применяют совершенно различные средства контроля за своими членами. Если члены НАТО решат ликвидировать этот военный союз, выйдут из него или перестанут сотрудничать с ним, -- в результате чего организация окажется неэффективной, -- НАТО будет просто аннулирована. Члены НАТО могут даже воевать друг с другом, как это имело место между Грецией и Турцией. Государства Варшавского договора такой свободы лишены. Стоило только Чехословакии попытаться проводить *внутреннюю* политику не по советскому образцу, не помышляя при этом о выходе из Варшавского договора, как в страну вторглись "дружественные войска". Говоря иначе, утверждение, будто Советский Союз оказывает миру услугу, выполняя роль жандарма Центральной и Восточной Европы, только лишь подкрепляет советский гегемонизм.

УЛАМ. Но если мы логически продолжим ход мысли "западно-европейских официальных кругов", как их характеризует Бим, то сможем заключить, что и для стран Западной Европы господство СССР может оказаться "полезным". Ведь бесспорно, что распространение Pax Sovietica и на Западную Европу немедленно разрешило бы многие проблемы этих стран: террористы и маоисты были бы ликвидированы в течение суток, ирландские убийцы в Англии сразу бы осознали, что "чрезвычайный закон" Роя Дженкинса -- это детский лепет по сравнению с советскими порядками; стоило бы только появиться сотрудникам КГБ, прекратились бы волнения в университетах Западной Германии, а британские шахтеры забыли бы и думать о забастовках, так как

не хотели бы оказаться на рудниках Колымы или в другом таком же негостеприимном месте.

Я ни в коем случае не могу согласиться с мнением, что если страны Центральной и Восточной Европы получат свободу, между ними тотчас начнутся братоубийственные войны. Мне думается, что любой конфликт, который возникнет в этой области, можно будет очень легко разрешить. Исторический опыт научил страны Восточной Европы, что, поссорившись, они сразу попадают в ярмо какой-нибудь великой державы. Поэтому, получив свободу, они всячески постараются избежать ссор.

Нестабильное состояние Восточной Европы вызвано тем, что в странах этого региона сидят русские. Поэтому любой конфликт там сразу приобретает новое измерение, начинает разграваться на большой сцене, а сама суть конфликта непропорционально раздувается. Из-за советского присутствия, все проблемы Центральной и Восточной Европы превращаются в фундаментальные, а такие проблемы Советский Союз не умеет ни решать, ни игнорировать. Изменение курса внешней политики Румынии, например, не произвело бы в Советском Союзе впечатление землетрясения, если бы он не воспринимал Румынию как свой протекторат. То же самое можно сказать о "Пражской весне", о событиях в Польше и т.п. И, повторяю, источник нестабильности Восточной Европы — в советском господстве, а не в том, на каком языке ведется обучение в университетах Трансильвании, — хотя я могу допустить, что, при отсутствии общего врага, даже такого рода вопросы могли бы дать повод к конфликтам.

УРБАН. Советские власти изгнали Солженицына из СССР, рассчитывая, что за рубежом он станет менее опасен. Говоря теоретически, Кремль мог бы так же рассуждать и насчет стран Восточной Европы, то есть вытолкнуть их из границ своего влияния, так как они, как и Солженицын, грозят безопасности Советского Союза. Предположим, что так и произойдет. Однако, как и в случае Солженицына, результат может оказаться совершенно иным. Страны Восточной Европы тоже могут не удовлетвориться выходом из-под советского контроля и продолжать, как Солженицын, критиковать советскую систему. Не правда ли?

УЛАМ. Солженицын, еще находясь в Советском Союзе, был настолько крупной международной фигурой, что режим не мог в борьбе с ним применить традиционное замалчивание, а потому самым простым способом умалить значение Солженицына было избавиться от него. Что же касается стран Восточной Европы, то их *постепенное* высвобождение из-под контроля Советского Союза не было бы такой хирургической операцией, как изгнание Солженицына, если вообще тут уместно сравнение. Одним из решений может быть "финляндизация" Восточной Европы. В конце концов, Финляндия тоже находится в русской сфере влияния, — в старом, имперском смысле этого слова; финны ограничены в своих действиях в области внешней политики, в области обороны и даже в своей экономической политике, так как должны считаться с пожеланиями русских. С другой стороны, русские не вмешиваются во внутренние дела Финляндии так грубо и оскорбительно, как в дела Восточной Европы. Они терпимо относятся к демократической системе Финляндии и не используют свое влияние, чтобы обеспечить особые привилегии финским коммунистам. В Финляндии Кремль не обременил себя тяжелой заботой о том, что печатают финские газеты, что финны читают, как отправляют религиозные обряды, что идет в их театрах и т.п. А в странах Восточной Европы за всем этим Кремль следит. Таково в этом регионе наследие Сталина. Я думаю, что русские могут ослабить зажим и установить со странами Восточной Европы отношения финляндского типа, не ущемляя своих интересов. Даже более, в результате такой сделки, эти интересы были бы обеспечены *надежнее*. Повысился бы престиж Советского Союза в мире и улучшилось бы его экономическое положение, так как ему не нужно было бы тратить громадные средства на содержание воинских подразделений в Восточной Европе, что не только не рентабельно в экономическом отношении, но и с политической точки зрения в конечном итоге оборачивается против самого Советского Союза.

Пытаясь, однако, убедить советских руководителей и дипломатов в частных беседах, что такой шаг необходим, в ответ можно услышать: "Но если позволить социалистическим государствам выйти из блока, то они потребуют от нас возвращения территорий, которые были присоединены к Советскому Союзу в период с 1938 по 1945 гг., то есть территорий, оторванных от

нашего государства после Первой мировой войны, когда мы были слабы. А на это мы не пойдем". Народы Восточной Европы понимают, что им не под силу соперничать с интересами великой державы, которая обладает к тому же атомным оружием.

Мне думается, что если бы Москва ослабила контроль и позволила бы странам Восточной Европы идти своим путем, то в этих странах притупились бы, — а со временем, и вообще исчезли, — антисоветские настроения. Народы этих стран стали бы относиться к населению СССР дружелюбно, с благодарностью.

УРБАН. Мне хотелось бы продолжить сравнение стран Восточной Европы с Солженицыным. В 1974 году Солженицын в интервью корреспонденту американского телевидения Волтеру Кронкайту сказал, что Запад настолько занят эмиграцией части населения СССР, что перестал думать об остающемся там большинстве. В известном смысле Солженицын прав. Но полностью ли? Если согласиться со спорной точкой зрения русских националистов, то эмиграцию и изгнание российских диссидентов поощрять не следует, так как отъезд освобождает советское руководство от необходимости с ними бороться. Эмигрировавшие в Израиль евреи, эмигрировавший в Англию Кузнецов, проживающий в Париже Синяевский, а в Нью-Йорке — Литвинов, да и сам Солженицын в Цюрихе, в известной степени нейтрализованы. Они, правда, остались живы, — и это, без сомнения, заслуга детанта, — но действия их теперь не столь эффективны. И очень может быть, что освобождение из-под советского контроля беспокойных поляков, чехов, венгров и словаков освободило бы советскую систему от крупных неприятностей.

УЛАМ. Советский Союз мог бы разрешить своим сателлитам выйти из своего блока по двум рациональным причинам, которые целиком соответствуют его интересам. Во-первых, если Москва искренне стремится к разрядке, то постепенное освобождение Восточной Европы будет самым убедительным доказательством серьезности ее намерений. Я подчеркиваю слово "постепенный" потому, что никто не ждет от Москвы моментального ухода из Восточной Европы. Но даже небольшой шаг, как, например, предоставление Румынии статуса Югославии, было бы для Запада конкретным доказательством, что детант — не тактический ход, от которого СССР может отказаться в любой мо-

мент. Такой шаг был бы свидетельством, что Советский Союз решил всерьез урегулировать свои отношения с окружающим миром, поняв, наконец, что с советской формой империализма никто больше мириться не намерен.

Вторая причина, по которой Советский Союз должен был бы оставить сателлитов в покое, предоставив их самим себе, заключается в серьезнейших последствиях, которыми чревато их насильственное удерживание в блоке. До сих пор Россия сталкивалась с сателлитами один на один: в 1956 году — с Венгрией, в 1968 году — с Чехословакией. Ей пришлось также иметь дело с волнениями в Восточной Германии и Польше. Но предположим, — и это вполне вероятно, — что подобные события начнутся в нескольких странах одновременно и советскому правительству придется начать военные действия в разных районах Европы. Можно ли предсказать, во что такая ситуация выльется? В 1968 году Советскому Союзу исключительно повезло, так как чехословацкое руководство отказалось от вооруженного сопротивления. Но если бы решение было другим, то и результаты советского военного вмешательства могли иметь далеко идущие последствия.

УРБАН. Мне это не совсем понятно. Ведь с октября 1956 года у советских вождей было более чем достаточно возможностей убедиться, что Запад, — и Соединенные Штаты Америки, в частности, — не собирается нарушать установленных сфер влияния, несмотря на то, что и на Западе восхищались строительными рабочими в ГДР, борцами за свободу в Венгрии и пражскими реформаторами.

УЛАМ. Я не думаю, что так уж необходима помощь или моральная поддержка Запада, чтобы одновременные волнения в нескольких странах Восточной Европы поставили Советский Союз в весьма затруднительное положение. Как будет реагировать Москва, если беспокойства начнутся в Польше, Чехословакии и Восточной Германии в то же самое время? Как повлияют эти события на советскую систему? Приведут ли они к реставрации сталинизма? Или советское государство под давлением этих событий развалится вообще, а Россия — от Дуная до Амура — окажется в состоянии перманентного кризиса? Мы не знаем, как ответить на эти вопросы. Но если необходимости ответа хотят из-

бежать советские руководители, — ответа не в теории, а на практике, — то в их собственных интересах, — как в интересах самой России, — предоставить нынешним сателлитам автономию и независимость. И это не так уж невыполнимо. Никто не говорит советским вождям, чтобы они позволили странам Восточной Европы восстановить режимы, существовавшие там в период между двумя войнами.

УРБАН. Почему же тогда советские руководители так упорно противятся переменам, которые принесли бы пользу и им самим, и их стране? Может быть, мы не ошибемся, сказав, что наши аргументы могут показаться им ловушкой?

УЛАМ. Временами и советские вожди наталкиваются на искушение освободить сателлитов. С этой идеей заигрывал Хрущев и, — что очень любопытно, — Берия. Но я не буду сейчас анализировать их мотивы. А нынешнему руководству СССР крылья подрезал консерватизм. Оно не будет вводить перемен ни в сельском хозяйстве, ни в менее значительных отраслях народного хозяйства. И не потому, что так велит идеология, а просто потому, что советская верхушка боится любых изменений, боится осложнений, которые выйдут из-под контроля. Легче всего для них — не делать ничего.

УРБАН. Мы можем проследить в советской внешней политике ряд стереотипов. Так, например, русские никогда не отдают завоеванной ими территории. В одной из ваших статей вы писали, что для Советского Союза господство над Восточной Европой, — помимо роли буфера, которую исполняет Восточная Европа, — символизирует правоту коммунизма. Оно как бы подтверждает их историческую концепцию о постоянно растущей силе социалистического лагеря. И если советские вожди вдруг сказали бы полякам, чехам и венграм: "Пожалуйста, вот вам полная внутривластная автономия, но признавайте наше влияние в вопросах внешней политики, как это делает Финляндия", — разве это не бросит тень сомнения относительно "закономерности" всего послевоенного политического развития России? Разве это не будет признанием де-факто, что у Москвы нет монополии определять историческое развитие мира, что история не движется по проложенным Москвой путям и что исторические процес-

сы могут быть обратимы? Я не хотел бы вступать в спор по этим вопросам на какой-нибудь конференции, где моими оппонентами были бы Суслов или Пономарев.

УЛАМ. Трудно сказать. Мне думается, что если бы Политбюро в свое время ответило Солженицыну на "Письмо вождям" и этот конфиденциальный ответ оказался в наших руках, мы не нашли бы в нем излияний о Марксе и исторической предопределенности, о том, что советское руководство — орудие истории. Большая часть этого ответа была бы посвящена эгоистическим русским интересам, которые советская власть защищает не на страх, а на совесть. Можно понять, что советским руководителям трудно отречься от своей миссии публично, но освобождение Восточной Европы вовсе не поставило бы под сомнение основу советской системы. Советские вожди, безусловно, попали в плен своей собственной пропаганды, но все же, иногда, глядя правде в глаза, и они могут осознать, что, незначительно рискуя сейчас, они выиграли бы многое в перспективе. Сложившиеся сейчас отношения между Москвой и ее сателлитами наносят урон обеим сторонам. А если бы восточноевропейским странам разрешили проводить самостоятельную политику, в будущем эти отношения оказались бы выгоднее для всех. Наверняка у русских есть своя теория "домино". Они думают, — об этом, кстати, пишет Хрущев в своих воспоминаниях, — что компартия разваливается, как только лишается власти: после Праги может наступить очередь Варшавы, Будапешта, Бухареста, и не исключено, что самой Москвы. Но, как я уже говорил, страхи эти ни на чем не основаны, а диктуемая страхом политика оборачивается близорукостью. Нынешнее старое и косное советское руководство понимает что такое "общественно-политические интересы" несколько иначе, чем мы.

УРБАН. Вы серьезно думаете, что если волнения начнутся в нескольких странах Восточной Европы одновременно, то с такой ситуацией советское руководство не сможет справиться? При условии невмешательства Запада, разумеется. А ведь мы-то с вами знаем, что Запад никогда не вмешается!

УЛАМ. Да, я действительно думаю так. Вспомним недавнее прошлое. Разве мы когда-либо подозревали, что, придя к власти,

Хрущев станет представлять в руководстве СССР либеральное течение? Не только мы, даже сам Хрущев этого не подозревал. На высокий пост его назначил Сталин, он проводил в жизнь самые жестокие сталинские директивы... Но когда Хрущев оказался вождем и старался нащупать пульс партии, он увидел, что партия и широкие слои населения истосковались по более либеральной политике. И он начал такую политику осуществлять. Не в абсолютном смысле, разумеется. Но, по сравнению со сталинскими адом, хрущевские времена принесли значительное облегчение народу. Доклад Хрущева на XX съезде КПСС и последующая за съездом десталинизация оказали непосредственное влияние на Польшу и Венгрию, и, как мы знаем, польский Октябрь и венгерская революция явились испытанием советской системы на прочность.

Теперь представьте себе, что через двадцать-тридцать лет один или несколько членов политбюро будут претендовать на руководящую позицию. Начнется кризис, начнется борьба за власть и, наконец, к власти придет человек или группа людей, готовые покончить со всеми пережитками сталинизма и приобщить, наконец, Советский Союз к XX веку. Они проведут экономические реформы, модернизацию, рационализацию, изменят политический климат в стране и попытаются даже соблюдать советскую конституцию. И если такие перемены совершатся в Советском Союзе, мне трудно вообразить, как можно будет отказать в независимости Польше, Чехословакии, Румынии и Венгрии. Более того, в Советском Союзе во главе государства может вдруг оказаться человек, относящийся к странам Восточной Европы не как к сатрапиям, а как к равным. Я твердо убежден, что освобождение стран Восточной Европы — самое выгодное решение для Советского Союза. Он приобрел бы все, не теряя ничего. Цена, которую заплатил бы Советский Союз за освобождение стран Восточной Европы сейчас, по крайней мере, невелика. Зато получил бы он за это если не друзей, то хотя бы союзников. При менее благоприятных условиях Советскому Союзу придется расплачиваться гораздо дороже.

УРБАН. Вернемся к вопросу, который мы затронули в начале нашей беседы. Однако попробуем подойти к нему несколько иначе. Почему общественное мнение Запада уделяет огромное

внимание судьбе одних групп, — советских диссидентов, советских евреев, палестинских беженцев, греческих и турецких киприотов, — и в то же время почти не интересуется судьбой подавленных наций стран Восточной Европы?

Неосведомленность в проблемах Восточной Европы вызвана, вероятно, тем, что на Западе не очень любят вспоминать о действиях русских во время и после Второй мировой войны. Я коротко перечислю эти акты советского правительства. Из европейских государств только СССР после Второй мировой войны расширил свою территорию, только СССР предпринял вооруженные выступления против *союзных* европейских государств и оставил в них свои воинские части. Об экспансионизме СССР свидетельствуют захват восточных земель Польши и Румынии, Закарпатской Украины, принадлежавшей прежде Чехословакии; присоединение к СССР государств Прибалтики, значительной полосы Финляндии и, наконец, советский контроль над Центральной и Восточной Европой.

Представим себе, что в Европу попал марсианин, что в течение некоторого времени этот марсианин читал европейские газеты и слушал европейские радиостанции, а потом вернулся на Марс. Я ничуть не сомневаюсь, что у него создается впечатление, что во всех неприятностях Европы виноваты греческие полководники, Казтано и нации Восточной Европы, бестактно требующие независимости от Советского Союза и поддержки своих требований Западом.

Кто, кроме Джорджа Кеннана, не только помнит, но и напоминает другим, что действия Советского Союза в Центральной и Восточной Европе полностью противоречат первым официальным советским документам — например, ленинскому "Декрету о мире"? В этом декрете Ленин предлагал всем воюющим сторонам справедливый мир "без аннексий и контрибуций". Я хотел бы привести отрывок из этого декрета, как бы непосредственно касающийся советского вторжения в Венгрию и Чехословакию, подавления Советским Союзом всей Восточной Европы.

"Если какая бы то ни была нация удерживается в границах данного государства насильем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях

партии или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, то есть захватом и насилием”.

(В.И. Ленин, Сочинения т. 26, стр. 218 изд. 4)

УЛАМ. После проигранной вьетнамской войны и травмы Востергейта американская общественность не перестает заниматься самобичеванием. Европейцам это, может быть, покажется странным, но простой американец в глубине души всегда верил, что Бог — американец и что пуританская этика обязательна для всех. А сейчас его вера поколеблена. Америка устала. И это проявляется в ее внешней политике. “Мы наделали столько ошибок!” Многие, — и не только левые, — думают, что главная угроза миру — Пентагон, что мы окружили Советский Союз военными базами и что вообще пора Америке перестать играть роль всемирного жандарма. Мы так много энергии тратим на самокритику, что не остается сил возмущаться Советским Союзом. После Вьетнама американцы молились: “Господи, прости Америку, грешную!” И до сих пор многие бьют себя в грудь, восклицая: “Меа culpa!” Положение поляков, чехов и венгров вряд ли беспокоит даже читателей “Нью-Йорк Таймса”, а об остальных и говорить нечего.

УРБАН. Вьетнам находится в пятнадцати тысячах километров от США. С точки зрения расы, истории, культуры и языка, у американцев нет ничего общего с вьетнамцами. И все же Вьетнам оставил глубокий след в американской психике. Сострадание вьетнамцам изменило ход истории. Несчастья же поляков, чехов и венгров, с которыми у американцев куда больше общего, не вызвали никаких угрызений совести, несмотря на усилия, — правда, не очень энергичные, — американских граждан польского, чешского или венгерского происхождения.

УЛАМ. Быть может, причина в том, что вьетнамцы не похожи на нас. Быть может, американцы думают, что Вьетнам — это преступление белых европейцев против цветных? И разве так уж

важно в сравнении с этим чувством вины, если часть европейского континента испытывает некоторые неудобства из-за того, что над ней господствует другая часть той же Европы? Разве не настало для Запада время искупать грехи западной цивилизации? Такие идеи вы можете встретить довольно часто. Действует также сила инерции. Русские уже так долго сидят в Центральной и Восточной Европе, что их присутствие там воспринимается как само собой разумеющееся. Даже весьма искушенный в политике американец не может вообразить, чтобы в Восточной Европе что-то переменялось. Вам могут задать и такой вопрос: “Чего вы хотите, сбросить на Россию атомную бомбу?” Никто, конечно, не собирается бросать бомбы. Но можно было бы оказать моральное, экономическое, политическое и военное давление, — тогда отпала бы надобность даже в таких открытых формах давления с целью добиться от Советского Союза уступок, как, например, поправка Джексона. К несчастью, среднему американцу такие методы кажутся чересчур рафинированными. Для среднего американца все наши возможности ограничены дилеммой: сбросить бомбу или не сбросить. Для внешней политики это слишком примитивная аргументация. Я мог бы напомнить, что с 1815 по 1900 гг. задачу жандарма мира выполнял британский флот, которому совсем не часто приходилось пускаться в ход пушки, чтобы обеспечить Pax Britannica. Само существование королевского флота давало понять друзьям и врагам, что фундамент британской дипломатии — военная сила.

УРБАН. Такую же позицию пытается занять сейчас СССР. Поэтому он и форсирует строительство военного флота. Рост советских военно-морских и сухопутных сил, плюс равновесие в области атомного оружия с США, может в течение пятидесяти лет заставить Европу уступить Советскому Союзу. И ни одного советского танка не понадобится вводить для этого на улицы Бонна или Парижа.

УЛАМ. Совершенно верно.

УРБАН. Почему же этот вполне вероятный сценарий вовсе не волнует американский народ?

УЛАМ. Ответить на это не просто. Детант популярен потому, что при нем нервы спокойнее. Когда русские делают мельчай-

шие уступки, мы засыпаем в хорошем настроении: отношения замечательные и не будет надобности прибегать к страшному оружию, хранящемуся в арсеналах. Решительная позиция Америки такие иллюзии развеяла бы полностью — не только у населения США, но и у наций Западной Европы. А у меня нет никаких оснований предполагать, что англичане, французы или немцы больше американцев озабочены положением в Восточной и Центральной Европе. Обратите внимание хотя бы на следующее: Солженицын и Сахаров — великолепные сюжеты для газет. О них пишут много. Но затронутые ими проблемы не очень-то освещаются журналистами.

УРБАН. Идеалистическая или, допустим, наивная оценка СССР — не новое явление в американской истории. Всем известно, что Рузвельт верил в добрую волю Сталина и готов был сотрудничать с ним. Нет надобности распространяться об этом. Иллюзии американцев о Советском Союзе уходят своими корнями в далекое прошлое. Президент Вудро Вильсон, в своей речи перед Конгрессом (это было в апреле 1917 года, когда Вильсон заявил о вступлении Америки в войну) охарактеризовал февральскую революцию так:

“Кто знает Россию, тот понимает, что под обманчивой поверхностью — это страна демократическая... Авторитарная верхушка ее политической структуры... не была русской ни по происхождению, ни по характеру, ни по целям. Сейчас эта верхушка низвергнута. И великий благородный русский народ, во всем его наивном величии и мощи, стал в один ряд с теми народами земного шара, которые борются за свободу, справедливость и мир”.

Но вы сами прекрасно знаете, что вера в демократические инстинкты русской нации, в то, что самодержавие было импортировано в Россию, что русская революция будет способствовать установлению свободы и справедливости во всем мире, основана на ошибочном толковании русского характера, русской истории вообще и событий 1917 года в частности. Эта ошибка вызвана склонностью американцев видеть мир американскими глазами и судить о поведении других наций по себе. По словам Джорджа Кеннана, как Вильсон, так и американская общест-

венность видели в русской революции “политический переворот по-американски — как республиканский, либеральный, антимонархический”. Более ошибочной оценки и придумать трудно. Нынешняя американская политика разрядки — это несколько модифицированная традиционная политика Америки. Но когда великая держава противопоставляет проверенным реалиям международной политики свои иллюзии, идеализм и желание своего народа быть одурманенным, лишь бы избежать болезненных чувств, это становится опасно не только для самой этой великой державы, но и для всего западного мира.

УЛАМ. В нынешней международной обстановке действия США оправдать невозможно. Со временем сама история наверняка разъяснит Америке, что к чему. Но сейчас даже политика Киссинджера, то есть политика равновесия сил, не имеет широкой поддержки. Киссинджера обвиняют в том, что он игнорирует Организацию Объединенных Наций. ООН, — говорят ему, — как раз и является платформой, на которой следует проводить дипломатические переговоры. Похвальное, но совершенно неразумное мнение.

В американской политике по отношению к Восточной Европе отражается, как в зеркале, общая позиция американцев. Мы хотим спокойной жизни, поэтому мы легко соглашаемся со всем. Мы понимаем, что не можем добиться перемен в Восточной Европе силой оружия, но при этом мы не понимаем, что от русских мы сможем добиться большего, если Восточная Европа будет оставаться в повестке дня переговоров Восток — Запад. Больше всего по поводу нашей незаинтересованности делами Восточной Европы недоумевает, по-моему, сам СССР. Его руководители должны не переставать удивляться нашему беспомощному признанию их гегемонии. В течение последних тридцати лет история нашей страны характеризуется в первую очередь нерешительностью правительства и упущенными возможностями. И мне больно из-за этого. Еще двадцать пять лет назад все козыри были в наших руках. Советский же Союз в то время был слаб в военном отношении, истощен экономически. И вот тогда, в обмен на признание Западом изменившихся после Второй мировой войны границ, мы могли добиться от Союза серьезных уступок. Немецкий вопрос тоже мог быть решен иначе:

Москва настолько опасалась в первые послевоенные годы угрозы со стороны сильной Западной Германии, что в обмен за ликвидацию такой угрозы готова была даже уступить Восточную Германию. И если бы мы учли тогда эти страхи Москвы, то, возможно, могли спасти и Чехословакию. Теперь же русские прочно обосновались в своих владениях, а мы упустили все шансы. Русским детант дает все, а мы только делаем вид, будто получаем что-то взамен.

УРБАН. Мне кажется, что после Второй мировой войны все мы ошибались в оценке военной мощи СССР, чересчур доверяя советским заявлениям. Эта ошибочная оценка в такой же степени обусловила образ наших действий, как и наша нерешительность.

УЛАМ. В этом большая доля истины. В сороковые и пятидесятые годы перед нашими глазами была вполне реальная картина России — со всеми ее слабостями. Но несмотря на это, нам казалось, что ни военное, ни экономическое превосходство не защитит нас, так как поведение Сталина, а позже Хрущева, выходило за рамки всех привычных нам правил. Сейчас мы многое знаем из воспоминаний Хрущева, но тогда мы были напуганы, даже парализованы откровенно неуступчивой политикой СССР, в этом отчасти была повинна и неумелость наших дипломатов. Положение изменилось во времена Ричарда Никсона, после урегулирования американо-китайских отношений. В шестидесятые годы раскол между Китаем и СССР давал нам шанс, и только от нас зависело, воспользуемся ли мы представившейся возможностью. И если бы мы уже в 1962 или 1963 гг. пошли на сближение с Китаем, то могли избежать Вьетнама. Но мы и тут оказались в хвосте. А дело в том, что если бы Америка уже в шестидесятые годы воспользовалась советско-китайским конфликтом и соответственно перестроила свою внешнюю политику, то общественное мнение сочло бы такую политику великодержавной.

И еще один пример наших ошибок. В 1970, 1971 и 1972 гг. мы полагали, что вьетнамцы полностью зависят от Советского Союза. В переговорах с СССР о разоружении и в торговых переговорах мы уступали заранее, предполагая, что за это русские нас отблагодарят, содействуя соглашению об окончании вьетнамской войны. Русские принимали все наши уступки, но сами

не могли добиться от вьетнамцев, чтобы те выполняли свои обещания.

УРБАН. Быть может, мы не совсем правы, предполагая, что советские вожди — чудовища, эгоцентрики, ничем не брезгающие люди, единственная цель которых — захватить и удержать власть. И даже если верно, что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно, то верно и то, что даже самый неразборчивый в средствах человек чувствует известную ответственность за судьбу миллионов мужчин и женщин, от имени которых, — по праву или нет, — выступает и которыми управляет. Джордж Кеннан в одной из своих работ писал:

”Каким бы ни был деспотом правитель, как бы ни были далеки его идеи от интересов тех, кем он правит, сам факт пребывания у власти... определенным образом отождествляет его с подданными... Поэтому невозможно пользоваться властью лишь для достижения какой-то идеологической цели, если она не имеет никакого отношения к интересам управляемых”.

Это замечание Кеннана полностью подтверждается правлением Хрущева. И я подозреваю, что подлинные цели советского руководства в связи с детантом обусловлены стремлением добиться в СССР большего благополучия для большего количества людей. Если бы не это, они могли бы по собственной воле продолжать сидеть на пороховой бочке.

УЛАМ. Ни в коем случае не следует недооценивать силу традиции деспотизма в русской истории. Начиная с Ивана Грозного и до настоящего времени, — за исключением всего лишь нескольких лет, — Россия знает лишь авторитарную форму правления в комбинации с репрессиями различной интенсивности. В общих чертах, советская власть продолжает эту традицию.

Но, конечно, верно и то, что советские вожди, по логике вещей, обязаны думать о благе народа, — как они его понимают, естественно. Что же касается внешней политики, то общественное благо ассоциируется у них с русскими национальными интересами, или, по крайней мере, так это им представляется.

Советские вожди убеждены, что, ограничивая свободу сателлитов, они действуют в интересах русского народа, хотя в об-

становке детанта и страны Восточной Европы могли бы стать более свободны. И я опасаясь, что большинство русских поддерживает эту традиционно шовинистическую линию советской политики.

Но существует противоречие между благом общества в понимании Кремля и других, — в том числе и руководителей некоторых стран Восточной Европы. И это подтверждает замечание, на которое вы ссылались, что даже правитель-деспот в какой-то степени должен отождествлять себя с подданными. Примером служит не только Восточная Европа, но и Россия. В условиях детанта советскую цель в отношении сателлитов можно, по моему, определить так: народы и правительства стран Центральной и Восточной Европы должны чувствовать свою беспомощность, не теряя при этом надежды. Их беспомощность определяется неизменностью политического статуса этих стран, а надежда направлена на повышение жизненного уровня и расширение внутривнутриполитических свобод. Возникает, однако, другой вопрос: насколько расширение свобод и повышение уровня жизни уложатся в установленные Советским Союзом для Восточной Европы рамки? Ведь народы Восточной и Центральной Европы могут, наконец, почувствовать, что настало время заявить открыто о своем недовольстве. Если бы Кремль поступил разумно, — благоразумнее, чем до сих пор, — если бы он использовал детант, чтобы избавить Советский Союз от бремени Восточной и Центральной Европы, нам с вами не пришлось бы задумываться, угрожает ли Восточная Европа безопасности СССР.